

Красавица Жена Комелькова, хохотушка Лиля Вричкова, метастехника Соня Брунич, волебая Рита Осикина — милые и прекрасные девочки, волея жестокой войны ставшие зенитчицами, и их суровый старичка — служака и улазнен Васков — снова живут в нашей памяти, снова волнуют сердца, снова вступают в свой бой, первый и последний. И зори — торжественные и тихие — восходят над миром без них, но в войнах мира цветет земля, спасенная от нашествия и этим девчачьими дружными руками.

Большой театр показывает премьерный спектакль — оперу Кирилла Молчанова «Зори здесь тихие...»

Неисчерпаема тема народного подвига и неисчерпаемы грани ее проявления в художественном творчестве. Кажется, сколько уже сказано о войне и с какой проникновенной силой, но каждый раз при встрече с истинным искусством по-новому высветляются людские судьбы и характеры, рождая новое волнение, новую боль, новую гордость за все пережитое в гражданской войне.

подразывают старшину, исполняют о прежней мирной жизни — одна добродетель, другая жеманность, другая кума и сны, и чертешка, кажется, уже влюблена в Васкова. И мы вспоминаем вместе с ними. Так же, как и у них, у нас щемит в горле, когда мы слышим как заволают: «Ой! Мей, и я вернусь, только очну жид...» — весною, что поет Жена, родных которой расстреляли у нее на глазах. Так же, как они, мы вдруг затихаем под звуки утесовой песни «Как много девушек хороших», звучащих на пятачке — столь же неожиданного в этом лесу, как и на оперной сцене. И вот такая точно и смело найденная деталь, каких в опере немало, придает ей вдруг простоту, но за сердце берущую ноту. В финале первого акта девочка уходит на новую позицию, веселась и переменилась, а в оркестре звучит главная тема реквиема.

Кто был на первых прослушиваниях оперы, знает, что в зале не слышался слез, как не слышался их и сами актрисы во время действия — почти романский тех, чей жизнью они жили на сцене.

тов, он весь подчиняется тональности спектакля. Лакомство, что тоже не мешает проявиться театральным фантазиям, редает спектаклю художник Валерий Левашов. Живописно написанный лес, обрамляющий всю сцену, грубо сбалансированный по середине, доводит мистичность на авансцене — вот основной художественный образ, главное место действия.

Особенность новой оперы в том, что сцены снимаются в ней почти с кинематографической быстротой в «маленьком» одном эпизоде на другой стремительно и бесостановочно. Режиссер-постановщик Семен Штейн как бы варьирует крупные планы, ибо в драматургии нет сквозного сюжетного развития, главной последовательностью повествования.

Либретто оперы построено так, что все происходящее мы видим как бы глазами Васкова, вспоминающего свою команду зенитчиц, из которых, быть может, судьба, а может быть, случай выбрали тех четверых. Но на эти воспоминания накладываются и другие — в драматургии прожизнения много временных и мимолетных. Действие в нем свободно пере-

«ЗОРИ ЗДЕСЬ ТИХИЕ...»

Несомненно лет назад таким свежим и проникновенным словом о народном подвиге стала небольшая повесть Бориса Васильева «А зори здесь тихие...», захватывавшая необыкновенным лиризмом, суровой и трогательной простотой, необычайной правдой того, о чем рассказывал писатель. И четверо девочек вошли в наше сегодня во всей красоте своего скромного, но высокого подвига — недолюбившие, не спевшие всех расцвет, расставшиеся с жизнью на ее пороге, беззаветные солдаты многоликой войны, великого подвига.

Не случайно и повесть обратилась театр и кино — ее зримые образы так бы изыскали и сценическому и экранному воплощению. Не случайно, что именно этот сюжет художники известного композитора на сочинение оперы. Кирилла Молчанова — первый рыцарь оперного жанра за двадцать лет после войны не напался семь опер, и современная тема проходит стержнем через все его творчество.

В этом смысле обращение к уже знакомому миллионам зрителей и читателей сюжету было в какой-то степени выигрышным, но так же в себе и немалую опасность. Все-таки устойчивость оперного жанра — особая условность, а в тому же не которая камерность масштабного сюжета, казалось бы, противоречила привычным представлениям (оперным, разумеется) о масштабном зрелище, какому его заставляют являться сами темы.

Можно сказать, что в полной работе Большого театра эта кинематографичность, камерность, зрительность сюжета нисколько не терпела в сравнении с простотой масштабного повествования, и именно контрастность незатейливого, но военного порою быта девушек, не привыкших и к своей форме, и к строгой дисциплине, камерность всего этого с наивысшим качеством к театральным финалом придает мощную спелую — неслыханную, которая издается многим и очень многим.

Наперво, в первую очередь нашим зрительским знанием о том, каким будет этот финал. Девушки пересматриваются,

Они трогательно земны, эти девочки, ощущающие жизнь во всей полноте расплаченных добру сердца, и им немалое под грузом неудобных для них скаток онехал, и вытески-то она толком не умеет дергать и рука, а иногда им просто страшно этого, что встало за такое нежизненное дело. Но и тени сомнений нет в их выборе: когда приходит решающая минута.

Я видел нескольких исполнителей главных партий и не пишу о каждой отдельно, ибо рождение первым впечатлением строки об опере — это не подробный разбор спектакля, а скорее некой эмоциональный отзыв на то, что пережито в зрительной зале. Однако, даже не занимаясь сейчас перечислением имен, нельзя не сказать о высочайшей левской культуре солистов и солисток — их голоса звучат кристально прозрачно и сильно, а каждый ансамбль выглядит стройным, артистически свободным.

Понятно, что столь бы изобретательным, им бы была создателя спектакля, сказать свое слово, не выразенное еще до них в этом сюжете, они могли только средствами своего искусства — пением.

Именно вокальные монологи девушек становятся теми кульминациями действия, которые придают ему атмосферу одновременно и достоверности, естественности сценической жизни героинь, и глубокой обобщающей силы. Именно в монологах раскрываются суть того, что происходит в душах юных зенитчиц, возникает перед нами их внутренний мир, их быстрое во времени, но разрозненное войной неведение друг перед другом, как и перед своим командиром Васковым. И он тоже удивляется им другим, когда они одурачивают его заботу, срывающуюся за внешней суровостью и безразличием.

И потому вокальный стиль исполнения, очень тактично и выразительно найденный вместе с солистами дирижером Александром Лазаревым, чудно каука-либо эффек-

брасывается из настоящего в прошлое, веселая тема сменяется грустной, милая лирика — ответной. В драматургии органично использованы обыкновенные драматические диалоги и остроты реплик, а напевность и мелодичность всей музыки произведения настраивают на совершенно особую сопереживательность к происходящему. Эта напевность будто вбирает в себя всю чистоту и ясность героинь.

Кантатам у нас так и не прожитых даже наполовину жизней. В эту кантатуле ворвался жесткий и дробный звук вражеского нашествия. Лишь раз мы увидим врагов — ощутив их тяжелую лютость в рассматривающейся дилке утра. И поймем, как важно син у этих девочек с кантатами, чтобы противостоять автоматам. И поймем, как много у них сил — на все жизни, выне которой можно быть только победой.

«Сорти случайные черты
И ты увидишь — мир прекрасен, —
Летит Соня старинный романс на блохоские струны».

Об этом прекрасном мире — и все опера Большого театра. Трагедия, но трагедия оживающая, вызывающая и памяти под собой, и соединяющая, к миру с тихими зорями, не разрозненными словами взрывом и полетом.

В преддверии 30-летия Победы Большого театра создали произведение по-настоящему новаторское и яркое, исполненное высокого пафоса и нежной лирики.

Они гибнут на наших глазах — Жена, Соня, Рита, Лиля. Они появляются в финале на авансцене — четыре зенитчицы, их верный старшина — наш памятник тем, кто не дошел до победы, но тоже победил.

Ал. АВДЕЕНКО.

НА СНИМКЕ: финальная сцена спектакля — Нина Лебедева, Елена Образцова, Неля Лебедева, Нина Фомина, Александр Ведерников (Синчик) бежит на генеральной репетиции.

Фото И. Когана.